

Нефедов Сергей Трофимович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
s.nefedov@spbu.ru

Язык оценок: что говорят оценки об оцениваемом субъекте*

Для цитирования: Нефедов С. Т. Язык оценок: что говорят оценки об оцениваемом субъекте. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (4): 821–838. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.410>

Язык оценок как функциональная подсистема лингвистических средств с особой прагматикой рассмотрен в структуре научной коммуникации на межличностном и индивидуально-личностном уровнях. Акцентируется роль языка оценки в отражении социальных отношений в сфере науки, с одной стороны, и индивидуальных особенностей конкретных исследователей в выстраивании профессиональных отношений со своими коллегами — с другой. Показано, как участники научного дискурса конструируют свою профессиональную идентичность через выбор определенных типов оценочных средств. При этом в фокусе рассмотрения находятся четыре типа языковых средств, центральных для оценочной квалификации и маркирования оценочной позиции в научном дискурсе: оценочно-квалификативные лексемы, модально-эпистемические слова, средства авторизации и выделительные метатекстовые структуры с предикатами ментальной обработки информации. Установлено, что разные исследователи по-разному используют одни и те же средства оценки. Разница в применении оценочных средств объясняется как результат индивидуальных предпочтений в выборе отдельными исследователями прагматических стратегий ведения научной дискуссии. Соответственно доминирующим стратегиям выделяются общие профессиональные профили ученых-авторов проанализированных статей, отражающие типичные для них речеповедческие модели взаимодействия с потенциальными адресатами. Описание профилей операционализируется через условные метафорические понятия «ученый-спорщик», «ученый-дипломат», «ученый-дидактик». Анализ выполнен на материале теоретических статей трех немецких лингвистов — широко известных и авторитетных специалистов в своих областях. Методология анализа базируется на теоретических установках лингвистической прагматики, интеракционно ориентированной социолингвистики и дискурсивно-аналитическом подходе, не оперирующих на уровне речевой структуры отдельных текстов, а обращающихся к уровню коммуникативных практик, типизирующих метапрагматических функций и употреблению оценок в транстекстовых структурах.

Ключевые слова: язык оценок, лингвистический дискурс, исследовательская статья, персонифицированность оценки, категоричность научного формулирования.

* Исследование подготовлено при поддержке РНФ (проект № 22-28-01024 «Язык оценок в научных гуманитарных практиках и дискурсах Германии и России») в СПбГУ.

Постановка проблемы

Семиозис, или процесс порождения, оценочных смыслов в речевой коммуникации протекает, как известно, в рамках многокомпонентной квалификативной матрицы. Эта матрица включает взаимосвязанные и обуславливающие друг друга элементы: субъекта, объект, основание, адресата оценки, ценностный стереотип, цель, или мотив, оценочную шкалу для каждого класса объектов с позитивным и негативным аксиологическими полюсами, средства вербализации — аксиологические предикаты из языковой ресурсной базы. При этом сфера общения в общем виде профилирует элементы этой матрицы, потому что в каждой социальной практике свой субъект и свой адресат, свои мотивы и основания, свои оценочные стереотипы и средства их воплощения. Такой спецификой обладает язык оценок и в научной коммуникации, имеющей свои собственные ценностные ориентиры и процедуры оценивания [Чернявская 2022а: 1683]. Оценочная деятельность субъекта научного дискурса является при этом точкой пересечения надындивидуального и индивидуального. С одной стороны, устойчивые параметры научных коммуникативных практик (научно-исследовательской, научно-экспертной, научно-обучающей) с их повторяющимися условиями и обстоятельствами, общепринятыми нормами и стандартами, культурными традициями и конвенциями формируют у исследователя своего рода «профессиональный габитус», если здесь будет уместным воспользоваться широко известным в гуманитаристике понятием *habitus* французского социолога П. Бурдьё [Bourdieu 1991: 13–16]. Это означает, что социальная профессиональная среда, статусные роли участников научной коммуникации, сложившиеся диспозиции восприятия и обработки научной информации, стратегии оценивания научного результата, правила дефиниционного определения объектов, действий и закономерностей, структуры аргументации и стереотипы текстуализации повторяющихся научно-познавательных действий — все это, пропущенное через индивидуальное сознание и усвоенное конкретным исследователем в ходе его практической профессиональной деятельности, задает устойчивые схемы поведения, в том числе речевые, в одинаковых или сходных ситуациях научного общения. Такие (рече)поведенческие модели рассматриваются в социологической традиции как результат интериоризации человеком внешних социальных структур.

С другой стороны, профессиональный габитус не отменяет, как представляется, творческого начала в научной деятельности. В этой связи общее замечание В. Е. Чернявской о креативности субъекта в «смыслотворчестве» и преодолении им стандартизирующих рамок социальных практик приложимо и к научной деятельности ученого: «Человек, вступая в коммуникацию с другими, делает выбор коммуникативных стратегий, операциональных шагов, таких и не других лингвистических средств» [Чернявская 2021: 26]. При этом речевая структура текстов и наблюдаемый в ней предпочтительный выбор определенных средств из ряда альтернативных возможностей, которые всегда по умолчанию предоставляются языком, могут быть рассмотрены в проекции на индивидуальные особенности автора научного текста как познающей, оценивающей и вербализующей полученный результат личности.

Изучение индивидуального стиля ученого представляет собой междисциплинарную проблему, решение которой имеет разные точки доступа. Здесь можно

указать на богатые традиции отечественного литературоведения в анализе индивидуального стиля писателя [Виноградов 1959; Ларин 1974], разработки индивидуального стиля (идиостиля) ученого на базе прагматически ориентированной методологии представителями Пермской научной школы функциональной стилистики; см., например, о идиостиле ученого в [Котюрова 2006: 95–99]. С позиций социолингвистических теорий значения и языковой (лингвистической) идеологии предпочтительный выбор языковых средств из некоторого набора потенциальных возможностей связан не только с типом коммуникативной практики, но и с социально-личностными и индивидуальными психологическими, интеллектуальными и эмоционально-чувственными характеристиками людей, использующих язык как прагматический инструмент действия словом и орудие воздействия на партнера по общению [Irvine, Gal 2000: 78; Gumperz 2001: 219].

В данном теоретическом контексте основная задача статьи состоит в том, чтобы показать, что сама квалификативно-оценочная деятельность и ее составляющие (элементы оценочной матрицы) несут в себе сведения о своем источнике — субъекте оценки. Иными словами, следует исходить из того, что любые процедуры оценивания неизбежно содержат информацию об оцениваемом субъекте. Конкретизируя главный исследовательский вопрос, можно переформулировать его в текстоцентричной и агентивно-центричной перспективах. В первом случае исследовательский вектор направлен на то, чтобы выявить, что могут рассказать языковые средства оценки в речевой структуре научных текстов о тех, кто их выбирает и целенаправленно использует, т. е. о самих исследователях — авторах научных статей. Во втором случае анализ сконцентрирован на том, чтобы вскрыть, как участники научного дискурса конструируют свою профессиональную идентичность, самоидентифицируются через язык оценок. Тем самым поставленная проблема входит в более широкий теоретический контекст лингвистического моделирования коммуникативного поведения и личностно-психологических параметров дискурсивных акторов с позиций языка и языкового употребления.

Материал и методология анализа

Представленные предварительные данные о персонифицированности оценок получены на материале анализа оценочных средств в немецкоязычных лингвистических статьях. Были взяты по четыре лингвистические статьи трех известных немецких лингвистов: Конрада Элиха, Юргена Шиве и Констанце Маркс. Если характеризовать объем проанализированных статей, то каждая из них в среднем содержит от 330 до 460 предикаций, что в сумме составляет около 6400 предикаций, примерно по 1600 предикаций на каждого автора. Под *предикацией*, как и в других работах автора настоящей статьи, понимается двухкомпонентная текстовая структура, воплощающая динамическое развертывание пропозиционального содержания текста и состоящая из предикативно определяемого компонента (субъекта) и предизируемого признака (предиката).

Таким образом, берутся научные статьи трех разных авторов, но при этом функционирование средств оценки рассматривается в условиях одной и той же коммуникативной практики, а именно: научно-исследовательской, нацеленной, как известно, на представление научному сообществу изучаемого объекта в но-

вых аспектах и отношениях, а также на аргументированное обоснование нового научного результата, полученного через оценку уже сделанного ранее другими исследователями. При этом принципиально важными для предпринимаемого исследования являются два момента. Во-первых, понимание того, что персонифицированность (авторизованность) оценок возможно выявить на основе сопоставительного анализа языка оценок и прагматических стратегий оценивания у разных субъектов научного дискурса (в нашем случае — у разных германистов), причем желательно с приблизительно равными или сходными профессиональным статусом и авторитетом в научном лингвистическом сообществе. А во-вторых, доступ к данному аспекту дискурсивной семантики оценки невозможен без обращения к межличностному пространству научно-исследовательской коммуникативной практики, в которой сложились и дискурсивно поддерживаются характерные для нее социокультурные конвенции, стандарты и рестрикции выражения оценочного отношения к сообщаемому и другим участникам научно-исследовательского процесса. Тем самым персонифицированность языка оценки рассматривается на фоне межличностного плана научного лингвистического дискурса, а в фокусе внимания оказывается субъективная реальность диалога конкретного исследователя с другим знанием и другими носителями знания. Учет социальной адресованности оценок, таким образом, позволяет сосредоточиться на анализе выбираемых авторами-исследователями коммуникативно-речевых стратегий оценивания и типичных средств их экспликации, а через них смоделировать характерные черты познающей, аргументирующей и оценивающей профессиональной личности.

В соответствии с обозначенным вектором исследования в статье реализована комплексная методика междисциплинарного лингвистического анализа. В основе своей она опирается на социолингвистический и прагматический подходы, а также на аналитическую методологию дискурсивного анализа, не только оперирующих на уровне речевой структуры отдельных текстов, а обращающихся к уровню коммуникативных практик, типизирующих метапрагматических функций и употреблению оценок в транстекстовых структурах. Неотъемлемой частью данных подходов является широкое применение контекстуального анализа. Соответственно, оценочные средства рассматриваются с учетом детерминированности разными типами контекста: непосредственным вербальным окружением, контекстом конкретной ситуации, прототипическим контекстом профессиональной научной деятельности и контекстом культуры. В дополнение к указанным методикам междисциплинарного характера используются также инструменты традиционного системно-лингвистического анализа: структурно-синтаксическая сегментация текстов на составляющие, грамматическая классификация языковых средств в терминах морфологии и синтаксиса, семный анализ.

Оценка как самовыражение vs оценка в межличностной дискурсивной проекции

Общезнаменитые взгляды на ценностные концепты и процедуры оценивания оказывают существенное влияние на понимание категории оценки в социальных и гуманитарных науках. В широком философском контексте человекомерности объектов, фактов и событий трактовку ценностей и оценок можно свести

к двум основным моделям. Обе эти модели исходят из того, что индивиды и социальные группы индивидов формируют восприятие мира благодаря и через более или менее сложные системы ценностей, которые лежат в основе выражаемых в языке оценок. При этом представители одного из подходов считают, что, хотя ценности и оценки социально отрефлексированы в соответствии с исторически и культурно обусловленными нормами, они все-таки предзаданы самой природой вещей и носят универсальный, абсолютный характер. Такой абсолютистский подход к категории оценки является наиболее традиционным и имеет многовековую историю, начиная с древнегреческой и латинской философии вплоть до всеобщих нравственных законов и категорий Канта. В самом грубом приближении оценка в рамках абсолютистской концептуальной модели рассматривается как форма самовыражения индивида, рефлектирующая устоявшиеся утилитарные ценности вещей, моральные принципы, коллективные нормы поведения и т. д. Противостоит этой философской модели релятивистский подход, зародившийся в XVIII в. и акцентирующий субъективность познания и познаваемых ценностей (Дж. Беркли, Д. Юм). Подробный обзор философских подходов в изучении категории оценки представлен в книге Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988: 12–41].

Релятивизм, как известно, привел к философскому прагматизму, а в дальнейшем — к анализу нравственно-этических и других ценностно-ориентированных концептов на основе их рассмотрения внутри дискурсивно-текстовой деятельности людей с позиций коммуникативной рациональности. Такого рода прагмативизацию и дискурсивизацию взглядов на оценку мы находим, например, в междисциплинарных исследовательских программах Новейшего времени — критическом дискурсивном анализе (см. о методологической основе и объяснительных возможностях данного подхода в статьях [Чернявская 2017; 2018]) и дискурсивной этике Ю. Хабермаса. В частности, Хабермас принципиально отстаивает точку зрения, согласно которой участники дискурса выбирают ценностно-ориентированные характеристики и приписывают их объектам только в ориентации на текущую коммуникативную ситуацию и ожидания участников дискурса [Habermas 2009: 387]. Тем самым на первый план выдвигается интерсубъективная, межличностная сущность ценностей и оценок, а их анализ ставится в зависимость от специфических параметров дискурса, в рамках которого и выносятся оценочные суждения.

Указанная дискурсивная проекция в рассмотрении категории оценки очень важна для лингвистического анализа языка оценок. Ее методологическая значимость непосредственно вытекает из детерминированности оценочных смыслов контекстом социокультурных практик, формирующим внутреннюю когерентность дискурса. Это касается не только сугубо имплицитных — по большей мере грамматических — способов выражения оценки [Нефедов 2022], когда оценочный смысл буквально запрятан в дискурсивные связи и прочитывается внутри социального пространства, в котором протекает общение. В немалой степени дискурсивно и контекстно обусловленной оказывается эксплицитная лексическая оценка, с легкостью преодолевающая конвенции коммуникативных практик и меняющая свою аксиологическую полярность от плюса к минусу и наоборот. С этих аналитических позиций большинство языковых номинаций характеристик объектов по качеству и количеству лишь потенциально обладают оценочностью. В лексиконе языка они остаются оценочно нейтральными; ср. адъективные и адвербиальные лексемы

в антонимических парах *краткий — подробный, недостаточно — много*. Хорошо это или плохо, целесообразно или нет, достоверно или сомнительно, важно или нерелевантно — вне контекста употребления данные лексемы не несут какой-либо оценочной информации. Напротив, включенные в текстовое отражение реально-го коммуникативного события и тем самым в содержательную структуру соответствующего дискурса лексемы качественной/количественной семантики обретают оценочный смысл. Так, качественно-характеризующие прилагательные *краткий — подробный* в научно-критическом дискурсе, представленном, например, рецензиями, при характеристике такого важного исследовательского этапа, как освещение истории вопроса, и на фоне контекста научно-познавательной деятельности индицируют оценочность; ср. *слишком краткая история вопроса* (не соответствует дискурсивной норме и поэтому оценивается отрицательно) — *краткая информативная история вопроса* (соответствует дискурсивной норме и поэтому оценивается положительно).

В этой связи совершенно прав А. Н. Баранов, когда он пишет о том, что «характеристика чего-либо станет оценкой лишь тогда, когда мы захотим этого — выберем ее из некоторого парадигматического ряда (множества) характеристик, внутренне обоснуем этот выбор и свяжем с возможным принятием решений» [Баранов 1989: 88]. Иначе говоря, характеристика станет оценкой, если она будет встроена в выражение коммуникативной интенции говорящего / автора текста и согласована с прагматической установкой дискурса/реципиента. В приведенном выше примере оценочный позитивный/негативный смысл лексем *краткий — подробный* становится видимым на фоне задач исследователя сформулировать свое критическое отношение и выразить оценку познавательных действий другого исследователя, т. е. при выполнении прагматической функции социального воздействия в рамках научно-критического профессионального дискурса.

Таким образом, задача лингвистического выявления и описания оценочных смыслов должна решаться прежде всего в рамках анализа контекстно-обусловленной, дискурсивно-связанной семантики потенциальных носителей и «катализаторов» оценки; см. подробно о разграничении аналитических категорий «носители оценки» vs «катализаторы оценки» в статье [Нефедов 2022]. Успешный опыт изучения языковой оценки в дискурсивно-текстовом аспекте на материале некоторых интернет-жанров представлен в работах Е. Н. Молодыченко [Молодыченко 2015а; 2022]. Используя в качестве исходной теоретико-методологической основы дискурсивный анализ языковой оценки, как он разработан в теории оценки («Appraisal Theory») Дж. Мартина и П. Уайта [Martin, White 2005], Молодыченко определяет оценочность как «систему, располагающуюся на уровне семантики текста (discourse semantics)» [Молодыченко 2015а: 58] и «вытекающую из языкового значения лексемы и практики ее речевого употребления» [Молодыченко 2015б: 92]. Если конкретизировать подход к изучению языка оценок с позиций дискурсивной семантики, то, вслед за В. Е. Чернявской, следует исходить из того, что «исследование ценностных смыслов происходит через семантику языковых единиц, через выявление и систематизацию тех языковых значений, с помощью которых выражаются ценностные смыслы» [Чернявская 2022б].

Вынесенное же в название данного раздела категориальное противопоставление оценки как самовыражения субъекта и оценки как отражения интересубъект-

ных отношений в содержательной структуре дискурса в равной мере оказывается значимым и с необходимостью проецируется на задачи настоящей статьи. С одной стороны, применяемые авторами-исследователями оценочные средства являются результатом их личного выбора и в этом смысле персонифицированы, с другой — основные типы оценок предзаданы параметрами институционального научного дискурса, поэтому их появление в авторском тексте не является случайным, но дискурсивно связанным.

Обсуждение результатов анализа

Оценка объективирована в научных текстах в виде системы оценочных средств, формирующих в своей совокупности язык оценок. В общем виде язык оценок характеризуется широкой вариативностью в зависимости от многочисленных параметров прагматического контекста: глобальной и локальных целей конкретной коммуникативной практики, предметной области науки, меняющихся в интеракции прагматических интенций субъектов дискурса и т. д. Вместе с тем в разных научных коммуникативных практиках (научно-исследовательской, научно-экспертной, научно-обучающей) представлены свои доминирующие типы оценок, наличие которых мотивировано прежде всего ведущей прагматической установкой соответствующей практики [Нефедов 2021: 763; 774].

В анализируемых научно-исследовательских статьях немецких лингвистов оценочный план текстов предстает в виде комплексного явления. Здесь наблюдаются разноформатные и разноуровневые языковые средства, оценочность которых накладывается на реализацию разных коммуникативных установок исследователя: квалификацию объекта или действия по научно значимому признаку; обозначение личного мнения через оценку научной достоверности чужих и собственных утверждений; выражение включенности в научную дискуссию через степень авторизации или стратегии акцентирования научно значимых элементов информации и др. Оценка становится контекстуально сопутствующим компонентом этих и других когнитивных и одновременно коммуникативно-речевых действий исследователя, в постоянном режиме решающего познавательные задачи оценки «старого» и «нового» в изучаемой проблемной области. В свою очередь, номинации характеристик и свойств научных объектов, экспликативные когнитивные установки знания и мнения, средства авторизации, отрицание, акцентирующие элементы и конструкции, коннекторы и другие лингвистические средства, вовлеченные в познавательные коммуникативные акты, получают оценочную функциональную нагрузку.

В рамках обсуждения персонифицированности оценок важно подчеркнуть, что через особенности применения определенных типов оценочных средств можно установить, как тот или иной ученый выстраивает профессиональные отношения со своими коллегами, и сделать выводы о нем самом как участнике научной дискуссии. В наибольшей степени полезными здесь могут оказаться наблюдения над функционированием тех из оценочных средств, которые прямо или косвенно связаны с категоричностью/некатегоричностью формулирования научных утверждений. Через категоричность формулирования проявляется рефлексия автора-исследователя по поводу того, какую степень уверенности/сомнения он должен вложить в достоверность своих утверждений, чтобы защититься от негативной реакции

коллег, и какую надежность и точность те или иные утверждения должны нести в контексте научной интеракции, чтобы отразить его личный вклад в проблему и соответствовать ожиданиям профессиональной аудитории; ср.: [Hyland 2005: 179]. Категоричность, таким образом, пересекается с категорией оценки. Согласно мнению Е. Н. Молодыхенко и В. Е. Чернявской, в трехчастной функциональной модели оценки Дж. Мартина и П. Уайта категоричность и научный вес утверждений как проявление оценочной позиции субъекта связаны с категориями «включенность» (engagement) и «градуальность» (graduation) [Молодыхенко 2015а: 58; 2022: 79; Чернявская 2022а; 2022б]. **Индикаторы включенности**, такие как средства авторизации или эпистемической модальности достоверности, сигнализируют о том, насколько формулировки являются жесткими и авторитарными или, напротив, смягченными и дипломатичными. Категоричность с несколько иной стороны маркируют **средства интенсификации/деинтенсификации** оценочной позиции, выдвигая в фокус внимания адресата наиболее важные с точки зрения автора-исследователя элементы научного сообщения или через снижение силы, интенсивности оценки смягчая формулировки запланированного к выражению научного содержания.

В ходе проведенного исследования были установлены наиболее типичные языковые средства, связанные с выражением категоричных/некатегоричных стратегий научного формулирования. Таковыми оказались четыре типа оценочных средств: 1) квалификативно-характеризующие лексемы; 2) средства авторизации; 3) модально-эпистемические слова уверенности/сомнения; 4) метатекстовые структуры акцентирования элементов информации. Кратко охарактеризуем функциональный потенциал указанных средств в плане формирования личностного профиля ученого.

Оценка как квалификация реализуется в текстах с помощью качественно-квалифицирующих лексем разной частеречной принадлежности: адъективами, адъективированными причастиями, абстрактными качественными существительными (nomina qualitatis); например: *ausführlich, überzeugend, sinnvoll, umfangreich, fragwürdig, falsch, vage, problematisch, fehlend, umfassend, detailliert, differenziert; Klarheit, Deutlichkeit, Ausführlichkeit, Verständlichkeit, Prägnanz, Genauigkeit, Widerspruch, Schwäche, Schwachstelle, Redundanzen* и т. п. Параллельно с квалификативной оценкой употребление такого рода лексем позволяет исследователю имплицитно выразить свою уверенность в сообщаемом, поскольку приписывание объекту выявленных качеств и свойств преподносится как данность, познанная реальность, в которой убежден исследователь и за которую он готов нести полную эпистемическую ответственность. Если же действительность установленного признака по каким-то причинам ограничивается при помощи смягчающих категоричность слов и выражений типа *достаточно, в известной мере, как правило, преимущественно, главным образом* и подобных, то субъект дискурса переходит к стратегии осторожного, вежливого формулирования с оглядкой на возможные критические реакции представителей лингвистического сообщества. В этой связи при описании авторских стратегий в научном дискурсе и в теории вежливости англоязычные авторы широко используют термины *ответственность (commitment) / уход от ответственности, дистанцирование (detachment)* [Myers 1989; Hyland 1995; 2005; Vassileva 2001]. Ср. контексты с оценочной квалификацией, в которых автор-исследователь позицио-

нирует себя как убежденную в своей правоте, в известном смысле авторитарную личность (пример (1)) или же, напротив, как личность, готовую к компромиссам и не претендующую на абсолютную истину (пример (2)).

- (1) *Intensität oder Prosodie werden mittels graphischer Modifikationen vermittelt. In der Literatur sind diese Vorgehensweisen ausführlich beschrieben worden, vgl. u. a. Beßwenger (2000), Kalinowski (1999), Pankow (2003) [Marx 2012: 96]. (Интенсивность и сила произнесения передаются с помощью типографических модификаций. В литературе эти приемы обстоятельно описаны, ср. Beßwenger (2000), Kalinowski (1999), Pankow (2003).)*
- (2) *Die Geschichte sprachkritischen Denkens macht zugleich aber auch deutlich, dass Sprachkritik ganz unterschiedliche Anlässe hatte, dass sie in vielfältigen Formen auftrat und Urteile unterschiedlicher Art hervorbrachte. ...Sprachkritik ist streng genommen nur als Sprachgebrauchskritik... möglich. Sprachkritik... setzt keine Normen, ...sie reflektiert Normen, macht sie bewusst und zeigt im besten Fall Alternativen auf [Schiewe 2011: 22–23]. (— Но в то же время история критических размышлений об использовании языка также ясно показывает, что критика языка имела совершенно разные поводы, выступала в различных формах и породила суждения разного рода. ...строго говоря, критика языка возможна только как критика употребления языка. Критика языка не устанавливает норм, ...она рефлектирует нормы, делает их опознаваемыми и в лучшем случае показывает альтернативы употребления.)*

В текстовом фрагменте (1) истории изучения в лингвистике проблемы передачи на письме просодических характеристик речи при помощи типографических средств дана рационально-оценочная квалификация *ausführlich* (обстоятельно). Приписывание этой характеристики осуществляется в модусе ассерторической модальности, предполагающей абсолютную уверенность субъекта в сообщаемом. Утвердительность сообщения дополнительно подчеркивается через употребление грамматической формы перфекта индикатива пассива, фиксирующего смысловой фокус на результате как эмпирически доказанном факте (см. перечислительный ряд из работ исследователей в конце текстового пассажа). Напротив, история лингвистической критики языка как отдельной языковедческой дисциплины (*die Sprachkritik*) в примере (2) характеризуется Ю. Шиве без всякого намека на безапелляционность. Смысловой центр оценочной квалификации создается благодаря многократному повтору лексем с семантикой наличия различий, многообразия, альтернативных возможностей: *unterschiedlich, vielfältig, möglich, Alternative*. Дополнительному снижению степени категоричности утверждений содействуют употребленные здесь средства смягчения/хеджирования (английский термин для данного явления — *hedging* [Hyland 1996; 1998]): *streng genommen nur, im besten Fall*. Они указывают на то, что утверждения исследователя базируются на его личной аргументации, а не на устоявшемся нормативном знании, что создает более комфортные условия для дальнейшей дискуссии.

Оценка как авторизация также связана с отражением степени категоричности научного формулирования. При этом оценочная позиция через авторизацию реализуется в научных текстах посредством трех основных стратегий: я/ich-стратегии, мы/wir-стратегии и стратегии полной деагентивизации. Самообозначения от 1-го лица позволяют исследователю в конкретной и однозначной форме выразить соб-

ственную точку зрения, обозначить личный вклад в получении нового результата, хотя автореферентные *ich*-высказывания, как это показано в целом ряде лингвистических исследований, могут быть использованы в разных коммуникативно-смысловых сегментах научного текста с весьма разными функциями вплоть до смягчения категоричности, когда обсуждение научной проблемы переносится с уровня деагентивированных генерализированных утверждений на уровень личного знания, которое, кроме всего прочего, легче опровергнуть в дискуссии; см. подробно о функциях *ich*, например, у Т. Штайнхоффа [Steinhoff 2007]. Авторские самообозначения через личное местоимение 1-го лица множественного числа *wir* фигурируют в работах по немецкой грамматике и стилистике под названием *pluralis modestia*, или *множественного числа авторской скромности (der Bescheidenheitsplural)* [Duden 2016: 263]. Благодаря тому, что исследователь через *wir* причисляет себя к некоторой неопределенной части научного сообщества, степень категоричности утверждения снижается. При полной деагентивизации изложения, например, при использовании пассивного залога и функциональных аналогов пассива, «голос автора» остается как бы «за кадром» и, соответственно, категоричность/некатегоричность утверждений создается без участия средств авторизации. Например:

- (3) *Dort (in den Niederlanden. — С. Н.) wird offenbar die Muttersprache... schrittweise aus dem Lehrbetrieb herausgezogen... Ich möchte diese Prozesse hier nicht erörtern; vielleicht spricht ja vieles für den Monolingualismus des Wissenschaftsbetriebs. Ich bin dieser Auffassung nicht. Mir scheinen die Vorzüge eines wissenschaftshistorisch fundierten Plurilingualismus in der Praxis der Wissenschaft von erheblicher Bedeutung...* [Ehlich 1995: 326]. (Там (в Нидерландах. — С. Н.), по всей видимости, родной язык шаг за шагом выводится из школьного обучения... Я не хотел бы здесь обсуждать эти процессы; возможно, многое говорит в пользу монолингвальности в научной деятельности. Но я не разделяю этой точки зрения. Преимущества полилингвального подхода в научной практике мне кажутся гораздо более значительными...)
- (4) Das ist die Seite, die für **uns** verborgen bleibt, zu der man nur Zugang hat, wenn man auch spielt. Hier kann also nur interne Diskurskontrolle erfolgen, **wir** sehen das hier an einem Beispiel... Und auch in der Überschrift der „taz“ sehen **wir** eine deutlich verkürzte Darstellung, die eine Konvergenz der Ebenen suggeriert und Spielgeschehen in die Wirklichkeit projiziert... Was bedeutet das nun? Welche Schlüsse ziehen **wir** daraus? Der Zugang zu Gewalt, zu sprachlicher Gewalt und zu inszenierter Gewalt... [Marx 2019: 14–17]. (Это именно та сторона (языковой агрессии — С. Н.), которая остается для **нас** скрытой и к которой можно получить доступ, если сам играешь в компьютерные игры. Здесь может происходить, таким образом, только внутренний контроль дискурса, это **мы** видим на следующем примере... В заголовке онлайн-газеты «taz» **мы** также видим явно сокращенное языковое описание, которое заставляет думать о конвергенции уровней и проецирует виртуальное событие игры в мир реальности... Что это означает? Какие выводы **мы** должны сделать из этого? Доступ к насилию, языковой агрессии и инсценированной агрессии...)

Применение той или иной стратегии авторизации зависит от индивидуальной манеры изложения, которая обусловлена, в свою очередь, психолого-поведенческим типом личности ученого, практическим опытом и национальными социо-

культурными традициями самопозиционирования в научном изложении. Как показал проведенный анализ, к широкому использованию автореферентных утверждений и категоричному формулированию своей научной позиции в наибольшей мере склонен К.Элих (см. пример (3)). К.Маркс и Ю.Шиве в целом пишут в отстраненно-деагентивированной манере с преобладающим использованием пассивных структур, но Маркс использует, кроме того, достаточно часто *wir* в функции инсценирования партнерства с адресатом или — реже — для самообозначения (см. пример (4)).

Оценка как модальность мнения/знания выражается средствами эпистемической модальности [Нефедов 2021: 766]. Одним из таких средств являются модальные слова уверенности и сомнения, которые принято рассматривать в качестве маркеров имплицитной авторизации [Нефедов 2013]. Как эгореферентные выражения, они в свернутом виде представляют в научном тексте эпистемическую позицию автора, оценивающего степень своей ответственности за достоверность сообщаемого на фоне ожиданий научного сообщества. При этом модально-эпистемические слова с семантикой уверенности (*natürlich, sicher, zweifellos*) в составе текстовых высказываний позволяют выражать субъекту речи свое мнение с настойчивостью и убежденностью, а слова с семантикой сомнения (*vielleicht, vermutlich, wohl*) — релятивировать сообщение, избегать категоричности утверждения или же через сомнение в достоверности чужой позиции открывать пространство для критической дискуссии. Например:

- (5) *Indem die Verfasser ausgewählte Profileigenschaften des Adressaten schlicht thematisieren, geben sie nicht nur indirekt Auskunft über sich selbst, da sie sich mit pointierten Aspekten identifizieren. Sie suggerieren darüber natürlich auch eine positive Bewertung über sogenannte E-Implikaturen (vgl. Schwarz-Friesel 2010: 9f.) [Marx 2012: 104].* (В то время как авторы попросту тематизируют выбранные ими черты характера из интернет-профиля адресатов, они на самом деле не просто сообщают косвенным образом сведения о себе, они идентифицируют себя по ярко выраженным аспектам. Они, кроме того, **естественно**, имплицитно также позитивную оценку через так называемые эмоциональные импликатуры (см. Schwarz-Friesel 2010: 9f.).)

В примере (5) посредством включения в структуру высказывания модально-эпистемического слова *natürlich* (*конечно, естественно*) немецкая исследовательница К.Маркс передает свою убежденность в том, как через импликации эмоционального отношения (*E-Implikaturen*) формируется позитивная оценка к другим людям. При этом она ссылается на мнение другой исследовательницы и солидаризируется с ней, ссылаясь на ее работу. В свою очередь, модально-эпистемические слова с семантикой сомнения весьма часто становятся удобным средством смягчения категоричности сделанных автором-исследователем утверждений. Это важно в профессиональном научном общении между равноправными коллегами, поскольку никто в науке не вправе претендовать на истину в последней инстанции. Так, в приведенном выше примере (3) Элих через модальное слово *offenbar* (*невидимому, по всей видимости*) сначала выражает свою ограниченность в знании действительного положения вещей, поскольку он специально не занимался изучением данного вопроса и поэтому не может быть уверен в достоверности сказанного и нести за это полную эпистемическую ответственность. Далее же через модаль-

ное слово *vielleicht* (возможно) он подвергает сомнению и оспаривает аргумент оппонентов о преимуществах осуществления научной деятельности исключительно на одном (английском) языке. Свое несогласие и критическое отношение к монолингвальности в науке Элих обосновывает ссылкой на историю науки, достигшей высоких результатов именно за счет успехов национальных научных школ. Таким образом, в обсуждаемом текстовом фрагменте выбирается смягченная, вежливая стратегия критики в рестриктивно-ограничительном модусе «возможно — но»; см. подробно о рестриктивной аргументации и функциях в ней модально-эпистемических слов в работе [Нефедов 2017].

Оценка как включенность (*engagement*) субъекта в научную дискуссию с другими участниками дискурса составляет одну из базовых функционально-прагматических разновидностей в типологии оценок Мартина и Уайта [Martin, White 2005: 92–104]. В таком своем воплощении она проявляется в научном тексте в том, как автор-исследователь с помощью лексико-синтаксических средств (адъективов и предложно-субстантивных выражений со значением важности/центральности *wichtig, relevant, zentral, im Zentrum, von großer Bedeutung*; композитов с интенсифицирующими компонентами *Hauptproblem, Grundgedanke, Kernfrage*; выделительных частиц и выражений *besonders, vor allem, in erster Linie*; метатекстовых высказываний с предикатами выделения/подчеркивания *Es lässt sich darauf Acht geben, dass* и др. [Нефедов 2021: 772]) акцентирует для адресата определенные элементы сообщаемой научной информации в содержательной структуре разворачивающегося текста. Оценивая их как важные/релевантные для текущей научной дискуссии, исследователь выражает свою личную позицию, стремится привлечь к ней внимание контрагентов и убедить разделить с ним представленную оценку информации. С точки зрения прагматики субъект дискурса не только сообщает релевантную информацию, но и открывает диалогическое пространство для профессиональной дискуссии.

Из многочисленных средств выражения оценки важности/релевантности научной информации в настоящем исследовании было проанализировано использование в исследовательских статьях метатекстовых акцентирующих структур с предикатами ментальной обработки информации. Ниже приводятся примеры такого рода высказываний:

- (6) *Zunächst jedoch wäre festzuhalten: Sprachkritik in einem ganz allgemeinen Sinne ist kein von außen an die Sprache herangetragener Aktionismus, sondern gehört... zur Sprache selbst...* [Schiewe 2011: 20]. (Изначально следовало бы все-таки исходить из следующего: критика языка в самом общем смысле не является привносимым в язык извне голым акционизмом, а является частью самого языка...)
- (7) *Ich sehe also zwei hauptsächliche Desiderata, wenn es um die deutsche Wissenschaftssprache geht: a) ein Desiderat der Erforschung dieser Sprache...; b) ein didaktisches Desiderat...* [Ehlich 1995: 327]. (Я вижу, таким образом, два главных пробела, когда речь идет о немецком как языке науки: а) пробел в изучении этого языка...; б) пробел в плане дидактики, обучения этому языку...)

Проведенный анализ показал индивидуально-авторские тенденции в употреблении рассмотренных выше типов оценочных средств: квалификативных лексем, маркеров авторизации, эпистемических оценок и оценок важности/релевантности. Эти тенденции в целом таковы.

Для научных статей Элиха характерны выделительные метатекстовые структуры от первого лица с ментальными предикатами *Ich denke/meine/glaube* 'Я полагаю', *Ich schlage vor* 'Я предлагаю', *Ich unterscheide* 'Я различаю' и т. п.; см. также пример (7). Вместе с доминированием модально-эпистемических слов уверенности (24 слова из 37 обнаруженных) и адъективами рациональной оценки (наиболее частотными здесь оказались *sinnvoll* 'целесообразный', *relevant* 'значимый', *plausibel* 'понятный, приемлемый'; всего 23 предикации с включением рационально-оценочных лексем) указанные выделительные структуры формируют **категорично-оспаривающий профиль** научного идиостиля Элиха. Элих в предельно настойчивой, часто в не допускающей возражений манере формулирует собственные утверждения и часто дает прямые критические оценки чужому мнению. Эта профессиональная манера типична для **ученого-спорщика**.

Научные статьи Шиве написаны в пассиве, т. е. предельно деагентивированно. Формы 1-го лица единственного числа не встречаются. Бросается в глаза, что большинство акцентирующих структур с когнитивными предикатами, выдвигающих в фокус внимания адресата информативно значимые части информации, модализированы с помощью форм конъюнктива и модальных глаголов. Последнее смягчает категоричность авторских утверждений; например: *Das lässt sich dadurch begründen, dass* 'Это можно обосновать тем, что', *So wäre hinzuzufügen* 'Следовало бы, таким образом, добавить'; см. также пример (6). Если принять во внимание частое использование в статьях Шиве по критике языка оценочных лексем с семантикой многообразия, различий, альтернативности, которое уже было отмечено выше (см. пример (2)), а также преобладание модальных слов со значением сомнения (21 слово из 32), то вырисовываются характерные черты научного идиостиля и, соответственно, профессиональный профиль данного исследователя. Это — **ученый-дипломат**, тщательно взвешивающий и оценивающий теоретические взгляды других исследователей.

И наконец, типичными для речевой структуры научных статей немецкой исследовательницы Маркс являются выделительно-акцентирующие построения без какой-либо модализации, т. е. без смягчения категоричности, например: *Es zeigt sich hier, dass...* 'Это проявляется здесь в том, что...'; *Das liegt daran, dass...* 'Это связано с тем, что...'; *Es geht hier vor allem darum, dass...* 'Речь идет прежде всего о том, что...'. Кроме того, весьма часто К. Маркс употребляет квалифицирующие адъективы со значением центральности, переднеплановости, важности (41 предикация с включением лексических оценок данного типа) и модально-эпистемические слова с семантикой уверенности (всего 19 случаев, причем модальные слова сомнения в статьях не встретились). Указанные частотные оценочные средства позволяют говорить о категоричном, в известном смысле «поучающем» стиле научного изложения у Маркса. Это — **ученый-дидактик, ученый-педагог**, настойчиво объясняющий и разъясняющий познанные факты и полученные в ходе исследования обобщения.

Таким образом, язык оценок, используемый исследователями в ходе представления научного результата, обнаруживает черты индивидуального варьирования. Типы оценочных средств, выбираемых конкретным ученым, несут информацию о нем как об уникальном дискурсивном субъекте, поскольку через оценки и предпочтительные стратегии оценочного позиционирования вербализуется его отношение к другим участникам дискурса. Это, в свою очередь, позволяет смоделировать

общий речеповеденческий и психологический портрет ученого в динамике его профессиональной деятельности.

Заключение

Проведенный анализ языка оценок ведущих немецких лингвистов выявляет устойчивые корреляции между лингвистическим и социальным, с одной стороны, и лингвистическим и индивидуально-личностным — с другой. В первом случае обнаруживается детерминированность применения оценочных средств универсальными конвенциями научно-исследовательской практики. При формулировании научного результата субъекты должны избегать слишком категоричных утверждений и оценок, чтобы не нарушать основополагающий принцип равноправия субъектов научного дискурса и не демонстрировать свою закрытость для дальнейшей научной дискуссии («Я считаю так, и поэтому вопрос закрыт»). В качестве дискурсивной нормы действует установка на выражение умеренной убежденности в достоверности сообщаемого без претензий на абсолютную истину. В ходе анализа показано, что выбор определенных типов оценочных средств позволяет соблюсти необходимый баланс между убежденностью субъекта в своей правоте и уважительным отношением к точке зрения других исследователей. При этом прямые лексические оценки, представляющие процесс рационально-оценочной квалификации как свершившийся факт, имеют тенденцию к применению в контекстах характеристики объекта, при описании истории его изучения и показе содержательных связей с другими объектами. Иначе говоря, категоричная оценочность остается на предметно-денотативном уровне дискурса. В то же время на межличностном уровне научной интеракции преимущественно применяются некатегоричные стратегии оценочного позиционирования. В их реализации задействованы модально-эпистемические слова, средства авторизации и выделительные метатекстовые структуры с предикатами ментальной обработки информации. Указанные средства дают возможность исследователю регулировать степень своей включенности в диалог с чужим знанием и другими теоретическими позициями.

Сопряженность лингвистического и индивидуально-личностного проявляется в том, что одни и те же средства оценки в проанализированных статьях используются разными исследователями по-разному. Поскольку в настоящей работе речь идет о ведущих в своей области лингвистах с сопоставимым профессиональным опытом и научным авторитетом, то разницу в стратегиях оценивания и выбираемых средствах оценки допустимо связать с индивидуально-личностными речеповеденческими моделями выстраивания профессиональных отношений с коллегами.

Лингвистическая реконструкция на основе языка оценок позволила установить три типичных профессиональных профиля ученого-исследователя. Предложено операционализировать выделенные профили в метафорических понятиях «ученого-спорщика», «ученого-дипломата» и «ученого-дидактика». Следует особо подчеркнуть, что ввиду ограниченности языкового материала и деликатности поднятой проблемы представленную категоризацию и особенно подведение под нее научно-исследовательской деятельности конкретных ученых следует рассматривать как предельно условные и требующие дополнительной аргументации.

Источники

- Ehlich 1995 — Ehlich K. Die Lehre der deutschen Wissenschaftssprache: sprachliche Strukturen, didaktische Desiderate. Kretzenbacher H. L., Weinrich H. (Hgg.). *Linguistik der Wissenschaftssprache*. Berlin; New York: de Gruyter, 1995. S. 325–349.
- Marx 2012 — Marx K. „Ich finde Dein Profil interessant“ — Warum virtuelle Erstkontakte auch für die Linguistik interessant sind. Bedijs K., Heyder K. H. (Hgg.). *Sprache und Personen im Web 2.0. Linguistische Perspektiven auf YouTube*. Berlin; Münster: LIT-Verlag, 2012. S. 95–109.
- Marx 2019 — Marx K. Warum Diskriminierung in online-Spielwelten kein Nischenthema ist. *IDS Sprachreport*. 2019, (2): 12–19.
- Schiewe 2011 — Schiewe J. Was ist Sprachdidaktik? Einige programmatische Überlegungen. Arendt B., Kießendahl J. (Hgg.). *Sprachkritik in der Schule. Theoretische Grundlagen und ihre praktische Relevanz*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. S. 19–30.

Словари и справочники

- Котюрова 2006 — Котюрова М. П. Идиостиль. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Кожина М. Н. (ред.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 95–99.
- Duden 2016 — *Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch*, hrsg. von der Dudenredaktion, 9., überarb. Aufl., Mannheim et al. (= Duden Bd. 4).

Литература

- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М.: Наука, 1988.
- Баранов 1989 — Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика). *Вопросы языкознания*. 1989, (3): 74–90.
- Виноградов 1959 — Виноградов В. В. *О языке художественной литературы*. М.: Гослитиздат, 1959.
- Ларин 1974 — Ларин Б. А. *Эстетика слова и язык писателя*. Л.: Художественная литература, 1974.
- Молодыхенко 2015а — Молодыхенко Е. Н. Аксиология дискурса консюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015, 6 (38): 55–66.
- Молодыхенко 2015б — Молодыхенко Е. Н. Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии. *Вестник Московского городского педагогического университета*. 2015, (3): 90–97.
- Молодыхенко 2022 — Молодыхенко Е. Н. Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022, (75): 67–93.
- Нефедов 2013 — Нефедов С. Т. Имплицитная авторизованность научного текста. *Научное мнение*. 2013, (10): 51–57.
- Нефедов 2017 — Нефедов С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2017, 14 (4): 599–610.
- Нефедов 2021 — Нефедов С. Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (4): 760–778.
- Нефедов 2022 — Нефедов С. Т. Катализаторы оценки: как распознать оценочные смыслы. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2022, 15 (11): 1699–1712.
- Чернявская 2017 — Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017, (50): 135–148.
- Чернявская 2018 — Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018, (2): 31–37.

- Чернявская 2021 — Чернявская В. Е. *Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения*. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Чернявская 2022a — Чернявская В. Е. Негативная оценка в российской научной рецензии: между критической рефлексией и ритуальным жанром (на материале рецензий на монографии по социологии 2015–2022 гг.). *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2022, 15 (11): 1680–1698.
- Чернявская 2022b — Чернявская В. Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2022, 14 (3) (в печати).
- Bourdieu 1991 — Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Harvard University Press, 1991.
- Gumperz 2001 — Gumperz J. Interactional sociolinguistics: a personal perspective. In: Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. E. (eds). *The handbook of discourse analysis*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2001. P. 215–228.
- Habermas 2009 — Habermas J. Diskursethik. In: Habermas J. *Philosophische Texte. Studienausgaben in fünf Bänden*. Bd. 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2009.
- Hyland 1995 — Hyland K. The Author in the Text: Hedging Scientific Writing. *Hong Kong Papers in Linguistics and Language Teaching*. 1995, (18): 33–42.
- Hyland 1996 — Hyland K. Writing without conviction? Hedging in scientific research articles. *Applied Linguistics*. 1996, (17): 433–454.
- Hyland 1998 — Hyland K. *Hedging in Scientific Research Articles*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998.
- Hyland 2005 — Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*. 2005, 7 (2): 173–192.
- Irvine, Gal 2000 — Irvine J. T., Gal S. Language Ideology and Linguistic Differentiation. In: *Regimes of Language: Ideologies, politics, and identities*. Kroskity P. V. (ed.). Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 35–84.
- Martin, White 2005 — Martin J. R., White P. R. R. *The Language of Evaluation. Appraisal in English*. London; New York: Palgrave Macmillan, 2005.
- Myers 1989 — Myers G. Pragmatics of Politeness in Scientific Articles. *Applied Linguistics*. 1989, (1): 1–33.
- Steinhoff 2007 — Steinhoff T. Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2007, (35): 1–26.
- Vassileva 2001 — Vassileva I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing. *English for Specific Purposes*. 2001, (20): 83–102.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2021 г.
Статья рекомендована к печати 12 сентября 2022 г.

Sergey T. Nefedov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
s.nefedov@spbu.ru

The language of evaluation: What the evaluation says about the evaluator*

For citation: Nefedov S. T. The language of evaluation: What the evaluation says about the evaluator. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (4): 821–838.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.410> (In Russian)

The language of evaluation as a subsystem of linguistic means with special pragmatic functions is examined in the context of scientific communication on an interpersonal and personal

* The study was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project no. 22-28-01024 “Evaluation language in scholarly humanities practices and discourses of Germany and Russia”) at St Petersburg State University.

levels. On the one hand, the role of the evaluation language in reflecting social relationships in the scientific field is emphasized, and on the other hand, the individual characteristics of researchers in establishing professional relationships with their colleagues. It is shown how the participants in the scientific discourse construct their professional identity through the choice of certain types of evaluation resources. Four types of means of evaluation are the focus of consideration, which are central to the evaluative qualification and the evaluative positioning in scientific discourse: evaluative lexemes, modal epistemic words, means of authorization and emphasizing metatextual structures with predicates of mental information processing. It has been noted that different researchers use the same means of evaluation in different ways. The different use of evaluative language can be explained by individual preferences when choosing pragmatic strategies for conducting scientific discussions with other researchers. Accordingly, general professional profiles of the authors of the analyzed articles are distinguished, which reflect their typical language behavior models in interaction with potential communication partners. The description of the profiles is operationalized by metaphorical terms *scientist-debater*, *scientist-diplomat*, *scientist-didactician*. The theoretical articles by three German linguists, who are well-known and authoritative experts in their field, serve as empirical material for the analysis. The methodology is based on the theoretical foundations of language pragmatics, interactional sociolinguistics and discourse analysis.

Keywords: language of evaluation, linguistic discourse, research article, personal level of evaluation, boosting of scientific formulation.

References

- Арутюнова 1988 — Arutiunova N. D. *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact.* Moscow: Nauka Publ., 1988. (In Russian)
- Баранов 1989 — Baranov A. N. Axiological strategy in language structure (paremiology and lexicon). *Voprosy iazykoznanii*. 1989, (3): 74–90. (In Russian)
- Виноградов 1959 — Vinogradov V. V. *Towards the language of fiction.* Moscow: Gospolitizdat Publ., 1959. (In Russian)
- Ларин 1974 — Larin B. A. *Aesthetics of the word and the language of the writer.* Leningrad: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1974. (In Russian)
- Молодыхченко 2015a — Molodychenko E. N. Axiological dimension in the discourse of consumerism: the role of evaluative language in the lifestyle genre. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2015, 6 (38), 55–66. (In Russian)
- Молодыхченко 2015b — Molodychenko E. N. The concept of Value in Textual and Discourse Analysis: towards Linguistic Axiology. *Vestnik Moskovskogo Gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015, (3): 90–97. (In Russian)
- Молодыхченко 2022 — Molodychenko E. N. Integrating metapragmatics into genre analysis: Does the analytical toolkit need an upgrade in the digital era? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2022, (75): 67–93. (In Russian)
- Нефедов 2013 — Nefedov S. T. Implicit authorization of scientific text. *Nauchnoe mnenie*. 2013, (10): 51–57. (In Russian)
- Нефедов 2017 — Nefedov S. T. Restrictive argumentation: modal words of doubt and shared knowledge in academic linguistic writings. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2017, 14 (4): 599–610. (In Russian)
- Нефедов 2021 — Nefedov S. T. The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (4): 760–778. (In Russian)
- Нефедов 2022 — Nefedov S. T. Evaluation Catalysts: How to Recognize Evaluative Meanings. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2022, 15 (11): 1698–1712. (In Russian)
- Чернявская 2017 — Chernyavskaya V. E. Towards methodological application of discourse analysis in corpus-driven linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2017, (50): 135–148. (In Russian)

- Чернявская 2018 — Chernyavskaya V.E. Discourse analysis and corpus approaches: A missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2018, (2): 31–37. (In Russian)
- Чернявская 2021 — Chernyavskaya V.E. *Text and social context: Sociolinguistic and discourse analysis of the meaning generation*. Moscow: LENAND Publ., 2021. (In Russian)
- Чернявская 2022a — Chernyavskaya V.E. Negative evaluation in Russian academic book review: across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022). *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2022, 15 (11): 1680–1698. (In Russian)
- Чернявская 2022b — Chernyavskaya V.E. Evaluative language in scientific discourse: terminological framework and methodological perspectives. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*. 2022, 14 (3) (in print). (In Russian)
- Bourdieu 1991 — Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Harvard University Press, 1991.
- Gumperz 2001 — Gumperz J. Interactional sociolinguistics: a personal perspective. In: Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. E. (eds). *The handbook of discourse analysis*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 2001. P. 215–228.
- Habermas 2009 — Habermas J. Diskursethik. In: Habermas J. *Philosophische Texte. Studienausgaben in fünf Bänden*. Bd. 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2009.
- Hyland 1995 — Hyland K. The Author in the Text: Hedging Scientific Writing. *Hong Kong Papers in Linguistics and Language Teaching*. 1995, (18): 33–42.
- Hyland 1996 — Hyland K. Writing without conviction? Hedging in scientific research articles. *Applied Linguistics*. 1996, (17): 433–454.
- Hyland 1998 — Hyland K. *Hedging in Scientific Research Articles*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998.
- Hyland 2005 — Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*. 2005, 7 (2): 173–192.
- Irvine, Gal 2000 — Irvine J. T., Gal S. Language Ideology and Linguistic Differentiation. In: *Regimes of Language: Ideologies, politics, and identities*. Kroskirty P. V. (ed.). Santa Fe: School of American Research Press, 2000. P. 35–84.
- Martin, White 2005 — Martin J. R., White P. R. R. *The Language of Evaluation. Appraisal in English*. London; New York: Palgrave Macmillan, 2005.
- Myers 1989 — Myers G. Pragmatics of Politeness in Scientific Articles. *Applied Linguistics*. 1989, (1): 1–33.
- Steinhoff 2007 — Steinhoff T. Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2007, (35): 1–26.
- Vassileva 2001 — Vassileva I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing. *English for Specific Purposes*. 2001, (20): 83–102.

Received: March 5, 2021

Accepted: September 12, 2022